

НЕПРИКОСНОВЕННАЯ ДУША ВЛАДИСЛАВА ЛИСТЬЕВА

Моск. правда. - 1995. - 4 марта. - с. 3.

Три года назад "Новый Взгляд" был просто "Взглядом", газетой телекомпании ВИД. Тогда на наших полосах и была опубликована первая беседа с **Владом ЛИСТЬЕВЫМ**. Позже такие интервью практиковались "Взглядом" (уже — "Новым") регулярно.

Сегодня мы публикуем фрагменты из материалов разного времени и разных авторов. Герой один — **Влад Листьев**.

Вспомним, помянем...

— Владислав, что для вас популярность?

— Популярность? Ничего. Уже когда мы работали во "Взгляде", я понял, что это в какой-то степени неизбежно для каждого человека, который делает популярную программу.

— Это такой досадный атрибут?

— Приятный атрибут, к которому достаточно быстро привыкаешь, если у тебя есть мозги. Потому что ты прекрасно понимаешь, что популярность идет параллельно с тем делом, которое ты делаешь. Как только ты начинаешь спекулировать только на своей популярности, дело от этого страдает, а потом разваливается и популярность. Примеров тому масса. Поэтому нужно делать дело, постоянно двигаться вперед и поменьше внимания обращать на популярность. Она будет, если будет дело хорошим.

— А другая ее сторона?

— Сейчас я в общественном транспорте не езжу. А раньше, когда ездил... Люди разные по своей культуре, по такту. Подходили на улице с разными вопросами, иногда приставали, иногда хватали буквально за грудки. Нужно настраиваться на съемку, на работу. А когда, например, путь от дома до работы, занимавший раньше час, превращается в 3-4 часа... Я же не могу просто послать человека, сказав: "Старик, извини, у меня во!.. дел без тебя". И стою, выслушиваю. Кому-то помогать, кому-то нет. Невозможно же всем помочь. Это было очень трудно и изматывало психологически.

— Скажите, а в чем секрет успеха "Поля чудес"?

— Естественно, мы долго думали над тем, как сделать передачу, чтобы ее смотрели. Во-первых, самый притягательный элемент — это кажущаяся простота. Даже первый текст, который предварял программу, был такой, что она доступна всем — от школьника до академика. Это, действительно, так. Любимый человек, когда появляется задание, волей-неволей начинает прикидывать свои варианты ответа. А уже когда открываются буквы... Сидя дома, ты раскрепощен, ты

ни за что не отвечаешь — и отдаешь быстрее. И вот это чувство самоутверждения, которое охватывает всю страну по пятницам с 8 до 9 вечера, — это колоссальное ощущение, я энергетически его чувствую.

— На игре вы всегда с блеском выходили из самых затруднительных ситуаций. И ваши шутки при этом иногда несли определенную долю сарказма. Не было порой ощущения, что находитесь в Стране Дураков?

— Вы знаете, это палка-то о двух концах. Можно, конечно, сказать: "Да, конечно, они идиоты, это видно всем". Отнюдь нет! Потому что в таком же состоянии на игре окажется любой человек И, в принципе, мне все равно, кто будет играть: девять академиков, девять профессоров, девять докторов наук — результат будет аналогичный, все зависит только от степени трудности задания.

— То есть, вы с пониманием относитесь к их состоянию?

— Ну, во-первых, я всех участников игры очень люблю — это изначально. И я отдавал и отдаю себе отчет в том, что, в принципе, успех игры зависит от них на 90 процентов — как они раскрепостятся, как будут себя вести, как будут улыбаться: глаза, жесты, мимика... Это все в комплексе играет на конечный результат.

И потом, юмор имеет две крайности. Одна крайность — ну, не оскорбить, а поддеть человека, иногда с желанием унижить в какой-то степени (это такой достаточно распространенный вид юмора у нас). А с другой стороны — юмор, который заставляет человека реагировать в положительном отношении и мобилизовать себя, чтобы ответить. Вот это очень важно. Естественно, какой-то сарказм был, потому что бывали ситуации, когда человек явно сам напрашивался. Я никогда не старался никого обидеть, даже подсудно не ставил себе такой задачи. А с юмором... С юмором веселее жить. Я ко всему в этой стране отношусь с юмором.

— Влад, много ли у вас друзей, что вы цените в людях?

— Знаете, друзей много быть не может. Есть несколько человек, которые остались от старой, дотелевизионной жизни. Когда человек становится известным, у него "друзей" по разному поводу появляется достаточно много. Но есть настоящие друзья (во всяком случае, как мне сейчас кажется), которые появились уже в этот период и которым я по-настоящему благодарен. А товарищей — по работе, по совместному проведению времени — достаточно много. Я очень люблю красивых, умных людей с чувством юмора. И мне трудно общаться с теми, у которых этого чувства нет. Передо мной как будто стена сразу возникает... А вообще времени на общение практически не остается.

— Когда вы умудряетесь читать?

— Вечером, ночью. Когда в машине перемещаюсь — или читаю, или просматриваю бумаги.

— Вы женаты?

— Да, я женился в третий раз. 31 декабря 91-го года в 17 часов 30 минут мы расписались. Моя жена — реставратор станковой живописи, работает в музее искусств народов Востока. Зовут ее Альбина.

— Вы можете назвать себя счастливым человеком?

— Знаете, это такой глобальный вопрос из серии "почему вы стали журналистом?" Я абсолютно не знаю, что сказать. Тогда нужно, наверное, говорить о том, что такое счастье, как мы его понимаем.

— А что это такое в вашем понимании?

— Ну как... Мы знакомы с моей нынешней женой три года, и за это время у нас было все, что только можно придумать в личных отношениях, как с моей стороны, так и с ее. Будем считать, что мы прошли огонь, воду и медные трубы. И я должен сказать, что это очень хорошая школа жизни. Поэтому это был достаточно сознательный шаг с обеих сторон. И я думаю, что это последний брак и с ее стороны, и с моей.

— Дай Бог вам счастья...

— Вы, без сомнения, рисковали, уходя из популярной "Темы" в новую программу. Рисковали популярностью, местом в рейтинге.

— Быть может, это крамольное высказывание, но меня популярность мало беспокоит. Переживать из-за того, что тебя меньше стали узнавать на улице? Работа — прежде всего.

— По-вашему, "Час пик" — это надолго?

— Боюсь загадывать, но думаю, надолго. Это неисчерпаемый кладезь. Хотя мне кажется, что через какое-то время я просто умру. От физического истощения. Ежедневный эфир — это мрак. С "Полями чудес" и "Темой" и то было легче. А здесь... Я не знаю, что будет со мной, что будет с группой. Это мельница, которая перемалывает все.

— Вы сами себе нравитесь на экране?

— Без кокетства скажу, что я редко себе нравлюсь. Когда нас впервые записывали на пробу для "Взгляда", при виде своей физиономии меня охватило чувство ужаса. Оно и сейчас меня не оставляет.

— Ой, скромничаете.

— Серьезно говорю. Впервые я ужаснулся от себя, услышав собственный голос на магнитофонной пленке на радиовещании на зарубежные страны. Тоже кошмар, ужасно не понравилось. До сих пор это ощущение не пропадает. И это нормально. Когда человек начинает любоваться самим собой, сразу возникает вопрос, не заболел ли он. Нарциссизм называется эта болезнь. Но я ею отнюдь не страдаю. Я не комплексую из-за того, что меня вдруг будет мало в передаче, мало моих крупных планов. Я исхожу из интересов дела.

— Вы уже сказали, что устаете от этого непрерывного производственного конвейера. Но у меня создается впечатление, что иногда вы больше утомляетесь от постоянного общения с десятками новых людей. Порой в ваших жестах, фразеях проскальзывают раздражение, злость на некоторых особенно заторможенных собеседников. Тогда вы позволяете себе посмеиваться, и не всегда по-доброму.

— Нет, вы знаете... Почему вам так кажется? Не может быть ровной передача — ни по эмоциям, ни по ведению. Нельзя быть всегда добреньким, всплески необходимы, по синусоиде — от отрицательных чувств к положительным. Иначе драматургия нарушается. Да, приходится быть и жестким, напористым, иногда с подковыркой подходить, но чаще по-доброму улыбаться и спокойно разговаривать с человеком.

Но все это, повторю, не от переизбытка общения, а от того, что диктует конкретная ситуация. Нельзя быть ровным, это неинтересно.

От людей же, в принципе, по-моему, устать нельзя... Я людей люблю...

